

УДК 159.99

Валерий Леонидович Ситников¹,
доктор психологических наук, профессор,
Петербургский государственный университет
путей сообщения Императора Александра I
(190031, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 9),
e-mail: sitnikof@mail.ru

Анна Анатольевна Стреленко,
кандидат психологических наук, доцент
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова
(210038, Республика Беларусь, г. Витебск, Московский пр-т, 33),
e-mail: strelenko@list.ru

Образ тела в сознании виктимных подростков, переживших сексуальное насилие

В статье рассматриваются проблемы виктимности подростков. Приведена статистика ежегодного семейного и школьного насилия в России и Беларуси. Авторы изучают особенности социально-перцептивных образов жертв насилия. Социально-перцептивные образы – это отражение в сознании человека образов других людей и самого себя как члена человеческого сообщества. Совокупность представлений о себе, своей телесности, двойная рефлексия и оценка социально-перцептивных представлений составляют психологическую основу поведения жертвы насилия. В статье отмечается, что пережитое насилие существенно меняет Я-образ жертвы. Выявлены достоверные различия Я-образов старшеклассников, испытавших и не испытавших насилие любого вида. Анализ структур компонентов Я-образов подростков, переживших сексуальное насилие, позволил выявить компенсаторный механизм личностной защиты: переживания некоторой телесной уязвимости, которая с возрастом компенсируется акцентированностью на интеллектуальных характеристиках или, наоборот, при недостатке интеллекта предпочтение отдаётся телесным характеристикам. Полученные результаты поднимают вопрос о феномене нарушения физических и эмоциональных границ у подростков-жертв сексуального насилия, в результате которого травматический опыт становится хроническим. Главным же следствием является утрата доверия к другим и миру.

Ключевые слова: телесный образ, социально-перцептивные образы, самосознание, виктимность, сексуальное насилие

Valeriy L. Sitnikov²,
Doctor of Psychology, Professor,
Petersburg State University of
Means of Communication of the Emperor Alexander I
(9 Moskovsky pr., St. Petersburg, 190031, Russia),
e-mail: sitnikof@mail.ru

Anna A. Strelenko,
Candidate of Psychology, Associate Professor,
P. M. Masherov Vitebsk State University
(33 Moskovsky pr., Vitebsk, 210038, Republic of Belarus),
e-mail: strelenko@list.ru

A Body Image in Victimized Sexually Abused Teens' Conscience

The article deals with the problems of teens' victimization. The statistics of annual family and school violence in Russia and Belarus is shown. The authors study specific features of social and perceptual images of violence victims. Social and perceptual images are the reflection of other people images in person's conscience and oneself as a member of human society. A complex of self-images, one's own corporality, double reflection and assessment of social and perceptual images are the psychological basis of violence victim's behaviour. It should be noted that violence

¹ Оба автора имеют равный вклад в работу. В. Л. Ситниковым разработаны основные положения исследования. Данные были получены А. А. Стреленко и В. Л. Ситниковым; авторы участвовали в обработке результатов и их обсуждении.

² Both authors have equal contribution into the work. V. L. Sitnikov has developed the main provisions of the study. Data were obtained by A. A. Strelenko and V. L. Sitnikov; authors participated in the results processing and discussion.

experienced substantially changes a victim's self-image. Reliable differences in self-images of senior pupils who have experienced violence and those who have not are revealed. Analysis of component structures of self-images of teens who have experienced violence allowed us to find a compensatory mechanism of personal defense: experiences of some physical defect which is compensated by focus on intellectual characteristics with age or vice-versa in case of unintelligence, physical characteristics are preferred. The findings raise the question of phenomenon of physical and emotional border violation of victimized sexually abused teens resulting in traumatic experience which becomes chronic. The main consequence is loss of confidence in others and the world.

Keywords: body image, social and perceptual images, self-consciousness, victimization, sexual abuse

Традиционно причины противоправного поведения и способы борьбы с ним исследовались, преимущественно, в криминологии, в рамках которой существует специальный раздел – юридическая виктимология, изучающая особенности людей, ставших жертвами тех или иных видов преступлений. В последние годы в рамках междисциплинарного подхода активно развивается научно-практическая отрасль – ювенальная виктимология, занимающаяся исследованием причин и особенностей преступлений, в которые в качестве жертв или преступников вовлечены несовершеннолетние.

К категории детско-подростковой виктимности могут быть отнесены несовершеннолетние: а) находящиеся в социально опасном положении; б) находящиеся под опекой; в) с особенностями психофизического развития; г) дети-инвалиды; д) с признаками педагогической запущенности, социальной депривации и школьной дезадаптации (включая дидактогению и антропогению). По нашему мнению, данные категории детей и подростков относятся к группе социально-психологического риска, по предрасположенности становятся жертвами различных видов преступлений [29].

Возникновение виктимности, полагают ряд исследователей, зависит от ряда социальных и психологических факторов, в числе которых ведущее место отводится индивидуально-личностным особенностям субъекта [1; 3; 29; 34]. Сегодня, как правило, выделяют следующие социально-перцептивные предикторы ювенальной виктимности:

1) микросоциальные (проблемы в отношениях с родителями, неполная семья, сиблинговые отношения и отношения «педагог – ребёнок» как противоречие между силой и опытом старшего и слабостью и не-

опытностью младшего; социальная роль ребёнка, его место в системе социальных отношений, положение, которое он занимает в семье, в образовательном учреждении, в коллективе сверстников и др.);

2) макросоциальные (социально-экономическое состояние общества, влияющее на материальное положение и жилищные условия семьи; недостатки школьного воспитания; влияние СМИ на формирование образа мира и жизнедеятельности человека, общества; недостатки работы органов государственной власти);

3) психологические (насилие как интернализированный субъектом стереотип семейных отношений, как результат негативного жизненного опыта; индивидуально-личностные особенности субъекта жизнедеятельности);

4) ситуативные (замкнутость и закрытость помещения, в котором совершаются преступления; время года и суток).

По данным ЮНИСЕФ, от жестокого обращения ежедневно в мире погибают 3 ребёнка. Согласно сведениям, представленным в различных источниках, в России семейному и школьному насилию ежегодно подвергаются более 2,5 млн несовершеннолетних [4; 36; 16; 34]. Не менее остро проблема насилия в отношении детей и подростков стоит в Республике Беларусь. Согласно данным за 2011 г. только по Витебску и Витебской области было отмечено 5 случаев суицидального поведения несовершеннолетних в возрасте до 18 лет, из них 2 – среди подростков до 15 лет. В 2012 г. зафиксировано 48 случаев парасуицидов у несовершеннолетних по таким причинам, как конфликт с родственниками, конфликт со сверстниками, социальные проблемы в семье [31]. Причинами суицидальной опасности чаще всего являются перенесённые физические, психические, социальные, информационные и другие формы насилия

[4; 34]. С точки зрения А. Г. Солодовникова, суициды среди несовершеннолетних в большинстве случаев происходят из-за того, что родители, близкие родственники, а также педагоги в учебных заведениях не замечают детей и подростков с их проблемами и не оказывают им своевременной помощи, в которой они нуждаются [26].

Насилие – это результат комплекса причин, в котором задействован целый ряд различных социальных и психологических факторов, включающих факторы риска, обнаруживающиеся в диаде «родитель – ребёнок». Особую опасность для развития личности ребёнка представляет сексуальное насилие, получившее большое распространение в мире. По данным детского Фонда ООН (UNISEF), не менее 1 млн детей попадают каждый год в секс-индустрию. UNISEF отмечает, что нередко дети оказываются вовлечены в проституцию своими семьями [13]. Чем раньше человек попадает в секс-бизнес, тем более искорёженной оказывается его психика и мировоззрение. Л. А. Бондаренко, изучая представления несовершеннолетних девушек о проституции, выявила, что лишь 39,6 % девушек считают проституцию нормальным явлением, только 6 % относятся к ней абсолютно негативно [6]. Она пришла к выводу о том, что подростковый возраст является наиболее сензитивным для формирования системы социально-перцептивных образов на основе образов-отражений и образов-эталонов. Именно в этом возрасте эта система тесно сплавляется с ценностно-смысловыми установками, в значительной степени определяющими дальнейшее нормативное или аддиктивное поведение личности [23].

При анализе зарубежной литературы, посвящённой данной проблеме, обнаруживается, что большинство родителей, жестоко обращавшихся с детьми, в период собственного детства часто сами переживали депривацию, отвержение, жестокое физическое воздействие и пренебрежение со стороны родителей. В ряде таких исследований прослеживается тесная взаимосвязь между алкоголизмом, наркоманией родителей и физическим насилием в отношении их детей. Авторы отмечают низкую самооценку таких родителей, которые недостаточно компетентны в своей роли родителя; чувствуют себя бессильными при взаимодействии с детьми [2].

Роль самого ребёнка в вопросе жестокого физического обращения представляет также существенный интерес. Период младенчества и раннего детства нередко становятся самым стрессовым временем для многих девиантных родителей. В это время ребёнок полностью зависит от взрослых. Дети, родившиеся преждевременно, и дети с синдромом минимальной мозговой дисфункции оказываются в особенно тяжёлом положении. Гиперактивность и импульсивное поведение нередко фрустрируют родителей, провоцируют их плохое обращение с детьми. Их дети, подражая родителям, трансформируют свою гиперактивность и импульсивность в агрессию и враждебное отношение к окружающим, в результате попадая в порочный замкнутый круг негативного поведения [2].

Отечественные и зарубежные теории развития личности отводят центральную роль взаимодействию взрослого и ребёнка. Культурно-историческая концепция Л. С. Выготского базируется на том, что развитие ребенка происходит в процессе присвоения социальных отношений и культурно-исторического опыта. Для ребёнка носителем этого опыта выступает взрослый. Лишь в постоянном контакте взрослого и ребёнка интериоризация становится основным механизмом развития и формирования системы отношений к самому себе, к окружающим людям, к деятельности, к миру в целом. Этот контакт способствует формированию у ребёнка потребности в привязанности к заботящемуся о нём взрослому.

На современном этапе в теории и практике нередко возникают сложности определения того, является ли плохое поведение результатом насилия или способствующим ему фактором. По данным национального исследования США, проведённого в 1988 г., оказалось, что почти у 25 % детей были трудности поведения в течение года до насилия. Но это же являлось и симптомом плохого родительского обращения [5].

Мальчики чаще девочек становятся жертвами грубого обращения родителей в младшем школьном возрасте, зато среди подростков картина изменяется на противоположную.

У ребёнка насилие в любой форме может вызвать сильнейшую психическую травму. Исследователями выявлена пря-

мая корреляция сексуального насилия над детьми и разнообразными видами самодеструкции, включая суицидные попытки уже по достижении взрослого возраста. В литературе описывается феномен «ревиктимизации»: травмированные индивиды вновь и вновь попадают в ситуации, где они оказываются жертвами [31].

Вместе с тем, как отмечает А. Г. Солодовников [26], действительная распространённость сексуальных преступлений, в т. ч. в семье, пока не поддаётся полному статистическому учёту. Высокая латентность сексуального насилия объясняется стремлением жертвы скрыть произошедшее из-за стыда и страха перед взрослыми. Это подтверждается и данными ряда исследований, по результатам которых выявлено, что в структуре мотивации несовершеннолетних, ставших жертвами сексуального насилия, основными выступают мотивы сохранения тайны, избегания микросредовой изоляции, сохранения жизни или источника удовлетворения витальных потребностей [1; 32; 34].

Нередко в семье ребёнок становится не только жертвой физического или морально-психологического (психологического) насилия, но и объектом сексуальных домогательств. При этом сексуальные действия, совершаемые с детьми, могут происходить без фактического применения силы, более того, даже с полного согласия ребёнка, но поскольку несовершеннолетний реально не понимает их сущности, в юридическом и моральном смысле они понимаются именно как насилие над личностью. Они порождают виктимизацию ребёнка, которая с возрастом, как правило, лишь усиливается и часто, по механизму парадоксальной реакции, приводит к активной криминализации личности, уже не в качестве жертвы, а в качестве инициатора преступления. Такой парадоксальной реакции способствуют и сложившиеся в обществе половые стереотипы отношения к сексуальному насилию.

Качественный и краткий обзор этих стереотипов дан Е. П. Ильиным [10]. Отмечая противоречивость различных подходов к оценке половых стереотипов, он констатирует, что полоролевые стереотипы выполняют у женщин защитную функцию, а у мужчин – оправдательную.

Нетривиальные данные социологического исследования А. А. Клецина свиде-

тельствуют, что женщины практически в два раза чаще, чем мужчины, считают женское поведение (79 % женщин, 42 % мужчин) и их «открытые наряды» (79 % женщин, 40 % мужчин) важнейшими факторами виктимности женщин. Е. П. Ильин, приводя эти данные, отмечает: многие авторы говорят о специфических виктимных качествах девочек-подростков: чрезмерная доверчивость, низкая способность к прогнозированию ситуации, несформированность навыков выхода из конфликтной ситуации, подчиняемость авторитету старших [10]. Об этом же свидетельствуют диссертационные исследования И. А. Захарьевой и Т. Г. Волковой, А. А. Стреленко.

Исследования Т. Г. Волковой показывают, что пережитое насилие существенно меняет Я-образ жертвы [7]. Проведя сравнительное исследование Я-образов старшеклассников 15–17 лет, испытавших и не испытавших насилие любого вида, она выявила достоверные различия их Я-образов. Характерными особенностями испытавших насилие, достоверно отличающимися их от сверстников, не являвшихся жертвами любого насилия, являются: нежелание признавать свою ответственность за важные события жизни, зависимость от чужого мнения, непринятие агрессии со стороны других людей, при этом в межличностном взаимодействии – склонность либо к агрессивному, либо к подчиняемому стилю, восприятие жизни только в одном из временных контекстов: в прошлом (воспоминания об обидах), будущем (ставит нереальные цели, живёт неоправданными надеждами, опасениями) или в настоящем [8].

В работе А. А. Стреленко впервые была выявлена специфика полового дипсихизма субъективного отражения «Я-, Ты-образов» подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие, подвергшихся «вторжению» в их личное пространство, в их телесность. Исследование виктимных подростков, у которых выраженным структурным компонентом их «Я-образов» стала телесная характеристика, показало, что совокупность представлений о себе, своей телесности, двойная рефлексия и оценка социально-перцептивных представлений составляют психологическую основу поведения жертвы. Жертвами сексуального насилия нередко становятся люди, имеющие виктимные характеристики, в частности

проблемы в области социальной коммуникации. Особую роль в этом плане играют особенности их социально-перцептивной сферы [27].

Социально-перцептивные образы являются отражением психикой человека его представлений о других людях и о самом себе. Особое значение образ человека приобретает в подростковом и юношеском возрасте. Юноше очень важно иметь примеры для подражания. Эти примеры могут быть как вполне конкретные, так и обобщённые, идеализированные. Обе эти группы образов – «образы-отражения» и «образы-эталоны» – являются ориентирами развития человека, сверяясь с которыми он формирует собственную личность.

Образ-отражение – это образ-ориентир, образ конкретного, реального человека, отражающегося в сознании субъекта. Образ-эталон – это воображаемый образ-обобщение гипотетического, собирательного, «абстрактного» человека, некая имплицитная модель, в которой собираются основные представления о людях. И образов-отражений, и образов-ориентиров может быть неограниченно много как в сознании одного человека, так и в сознании разных людей [18]. Подростки, находящиеся на стадии активных анатомо-физиологических преобразований, особое внимание обращают на внешний облик человека, на его телесно-физические характеристики.

Период детства и особенно подростковое развитие характеризуются интенсивными физиологическими и психологическими изменениями, в значительной мере определяющими формирование социальной зрелости личности. Как известно, на результат социальной зрелости сильнейшее влияние оказывает среда. Родителям в этом отводится особая роль, им рекомендуется проявлять заботу, не нарушая самооценки детей, помогая им в самостоятельной социализации. К сожалению, немало родителей не знают и не умеют это делать, более того, нередко, плохо зная его социальное окружение за пределами семьи, они навязывают своему ребёнку собственные представления о нём, его способностях и предназначении, о том, какой он должен быть. Это уже в раннем детстве может приводить к отчуждению ребёнка от своей самости.

В наших исследованиях было выявлено, что в семье влияние, даже на юношей,

материнских Я-образов оказывается сильнее, чем влияние отцовских Я-образов, т. е. мамы пользуются большим влиянием на детей. У мам, по сравнению с отцами, складываются существенно более жёсткие схемы представлений о собственных детях. Причем у большинства матерей в основе этих схем лежат представления скорее даже не о том, каким они хотели бы видеть своего ребёнка, а их собственные мнения о том, какими они сами себя видят. Скорее всего, большинство мам неосознанно, а кто-то вполне сознательно выбирают самих себя ориентиром в понимании собственных детей и организации взаимодействия с ними [18].

Исследования Т. В. Слотиной убедительно показали, что для 12–13-летних подростков решающую роль в становлении смысла жизни играют родители. Родительский авторитет в среднем подростковом возрасте имеет огромное значение в формировании мировоззрения детей. Это подчёркивает ведущую роль матери и отца в проблемных жизненных ситуациях, в которые попадает подросток этого возраста [24].

В этом возрасте реакция эмансипации, т. е. отдаление от семьи и взрослых, избавление от опеки родителей, лишь начинает формироваться. Реакции детей на взаимоотношения с ними разнообразны. Некоторые из них начинают протестовать против навязанных действий, интересов, представлений, прибегая к негативизму и агрессии, к конфликту с окружающими. Но чаще всего ребёнок не делает попыток спорить с родителями, когда они высказывают своё мнение о нём, поскольку он нуждается в любви, в принятии взрослого.

По данным исследователей, в проблемных ситуациях в этом возрасте самым близким и доверенным лицом для ребенка является мама [14]. Как показывают научные исследования, в ходе онтогенетического развития через механизм субъективного уподобления Я-образы детей тесно взаимосвязаны с образами других людей, так называемыми Ты-образами. По мере взросления, продвигаясь в своём развитии, ребёнок, уподобляясь другому, раскрывает его и одновременно формирует себя, расширяя границы собственной жизнедеятельности. Дифференциация и децентрация как выход за пределы собственного Я являются важнейшими механизмами саморазви-

тия в плане преодоления своей ограниченности при познании себя и другого. Однако, по нашему мнению, в отрочестве не всегда в достаточной степени может быть сформирован адекватный, внутренне согласованный Я-образ.

Так, в нашем исследовании, посвящённом изучению социально-перцептивных образов жертв сексуального насилия, было определено, что Я-образы взрослых женщин и девочек-подростков, переживших насилие, мало отличаются от представлений о себе у людей, не подвергавшихся сексуальному насилию. Были выявлены лишь отдельные корреляционные связи между некоторыми компонентами структур Я-, Ты-образов девочек и женщин, перенёвших сексуальное насилие [29].

Как показала Е. Т. Соколова, грубые нарушения самосознания при личностных расстройствах проявляются в виде деструктивного внутреннего диалога и неустойчивого, расплывчатого Я-образа, что, как правило, является последствием травматического опыта и нарушенных отношений со взрослым на ранних этапах онтогенеза. Эмоциональный голод, испытываемый ребёнком, лишённым родительской любви, часто ещё в младенчестве, в отроческом возрасте способствует существенному искажению формирующегося образа Я. Отсутствие стабильных, надёжных эмоциональных отношений делает образ взрослого непостоянным, изменяющимся в восприятии ребенка от отвергающего и наказывающего к любящему и понимающему. Такое расщепление отношений с другим человеком ведёт к стойкой патологии межличностных отношений [25]. Патология межличностных отношений, тем более сопровождающаяся насилием, практически всегда приводит к патологическому формированию личности.

Не вызывает сомнения влияние взрослых и сверстников на половое самоопределение детей и подростков, особенно на их психосексуальное развитие. Проведённое нами исследование места телесных характеристик в сознании детей и взрослых показало существенные различия роли этих представлений в сознании представителей разного пола в зависимости от возраста отражаемого ребёнка. Оказалось, что в структуре образов ребёнка телесные характеристики в сознании мам занимают третье место, а морально-волевые стоят на

четвёртом месте. В сознании пап всё с точностью до «наоборот», что представляется вполне естественным. Но когда речь идёт о старшекласниках, то картина полностью меняется. У пап учащихся старших классов характеристик телесной сферы оказывается в полтора раза больше, чем у мам. И не потому, что папы стали обращать на телесное развитие детей больше внимания. Нет, оно осталось на прежнем уровне, а вот мамы старшекласников, по сравнению с мамами детей младшего возраста, отмечают в два раза меньше характеристик, относящихся к телесно-физической сфере. При этом у них резко увеличивается интерес к социальным и волевым характеристикам, но увеличение доли этих характеристик отмечается и у отцов. Такое изменение содержания телесных характеристик в описаниях своих подросших детей свидетельствует, что мамы и папы вполне адекватно реагируют на изменившиеся возможности и существенно меняющийся статус своих детей.

Это изменение возможностей и социального статуса тесно связано с изменением представлений не только о самих себе, но, пожалуй, в большей степени с изменением отношения к представителям противоположного пола, вызванного результатом мощной гормональной перестройки. Телесные компоненты рефлексивных Я-образов, в первую очередь мнение о том, каким сам подросток представляется представителям другого пола, оказывают сильнейшее влияние на гендерную идентификацию, на формирование гетеро- или гомосексуальности подростков и юношества.

Наиболее бурные гормональные изменения происходят в подростковом возрасте. Именно тогда интенсивно формируется сексуальная сфера, которая включается в гендерные характеристики, но не отождествляется с ними. Особую роль в этом формировании играет рефлексия телесного образа. Под рефлексивным образом понимается образ «Я – глазами другого», т. е., фактически речь идёт о двойной или коммуникативной рефлексии [11].

Особенности представлений детей о своих сверстниках сегодня недостаточно исследованы. Результаты наших исследований показывают, что сверстники своего и противоположного пола играют серьёзную роль в формировании у детей представлений о себе и окружающих людях [19].

Самые большие различия в модальности (положительной или отрицательной) оценок детей своего или противоположного пола наблюдаются у младших школьников. В этом возрасте для мальчиков практически не важно, насколько симпатичен внешне ребёнок любого пола. Их оценки, даваемые симпатичным детям, существенно ниже, чем оценки, которые этим детям дают девочки. Следовательно, уже для младших школьниц совсем не безразлично, как выглядит другой ребенок. Симпатии мальчиков в этом возрасте определяются не внешностью или нарядами, а сугубо личностными характеристиками.

Похожая, но не настолько ярко выраженная половая сегрегация проявляется и в старшем подростковом возрасте, но в отношении лиц своего пола. Зато у младших подростков нет подобных различий в отношении к симпатичным и несимпатичным сверстникам любого пола. Вполне возможно, что в этот период латентной сексуальности (по З. Фрейду) восприятие сверстников отличается самой низкой эмоциональной нагрузкой и характеристики внешности не играют заметной роли в выборе приятелей [19].

Нами так же выявлена ещё одна интересная закономерность, наиболее отчетливо проявившаяся у девочек. Чем старше они становятся, тем меньше негативизма в их оценках несимпатичных сверстников любого пола. У мальчиков это явление наблюдается скорее в виде тенденции, а не закономерности, причём избирательной, зависящей от пола сверстников, поскольку их негативизм в описаниях несимпатичных сверстников и в младшем, и в старшем школьном возрасте значительно ниже, чем негативизм девочек. Причём негативизм мальчиков по отношению к несимпатичным девочкам ниже, чем негативизм в отношениях к несимпатичным мальчикам. Возможно, это связано с тем, что для мальчиков социально-личностные характеристики в отношениях со сверстниками оказываются более значимы, чем телесно-физические.

Наше исследование показало, что для подростков в период латентной сексуальности соотношение социальных и телесных характеристик очень незначительно зависит от пола сверстников. Но для старшеклассников пол сверстников начинает играть важную роль. Телесным характе-

ристикам представителей своего пола они уделяют значительно меньше внимания, чем аналогичным характеристикам в описаниях представителей другого пола. Особенно ярко это проявляется в юношеском возрасте.

Таким образом, оказалось, что уже в младшем школьном возрасте для большинства представительниц женского пола внешность представителей мужского пола имела немалое значение. При этом на телесно-физические характеристики сверстниц в любом возрасте женщины обращали гораздо меньше внимания [19].

Безусловно, телесно-физические характеристики и, прежде всего, внешность человека – это отражение его индивидуальности. Оформляющаяся индивидуальность в подростковом возрасте приобретает особый смысл и значение для самого подростка. В этом возрасте восприятию собственного тела придаётся множество смыслов. Внешность человека, особенно в юности, является не столько ценностью, сколько средством достижения своих потребностей.

Как отмечает Х. Ремшмидт, в подростковом возрасте формируется новый образ телесного «Я». Из-за его гипертрофированной значимости ребёнком остро переживаются все изъяны внешности [15].

Формирование нового телесного образа «Я» в подростковом возрасте обусловлено как физиологическими, социальными, так и психологическими детерминантами. Восприятие и принятие своего собственного тела, а также удовлетворённость (неудовлетворённость) своей внешностью влияют не только на поведение, самооценку и самоотношение подростка, но также и на его «Я-концепцию». Образ телесного «Я» – гораздо более важный компонент подросткового возраста, чем это обычно считают взрослые.

Изучение содержания телесности, по мнению отечественных учёных, представляется значимым и необходимым в связи с влиянием, которое оказывает культура и традиции социума, семьи, референтной группы на Я-концепцию развивающегося подростка и его самосознание.

Особенно остро эта проблема полового самосознания проявляется у подростков, ставших жертвами сексуального насилия. Социально-психологический аспект динамики развития телесности виктимной лич-

ности в период подросткового возраста в настоящее время исследован явно недостаточно.

Размытость статистических данных о сексуальных насилиях в отношении детей во много определила объект нашего исследования. По данным МВД России, в 2000 г. 60 % от общего числа насильственных преступлений против личности происходило в семьях, а жертвами этих преступлений как правило, оказывались женщины и дети [12]. Причём Н. И. Юдашина считает, что мальчики чаще девочек становятся жертвами сексуального насилия, поскольку общество, в этом плане, меньше их оберегает [35].

В нашем исследовании Я-, Ты-образов лиц, переживших сексуальное насилие, с помощью методики «СОЧ(И)» – структура образа человека (иерархическая)» (автор – В. Л. Ситников), предназначенной для сравнительного анализа вербальных и невербальных социально-перцептивных образов [17], был проведён сравнительный анализ особенностей представлений о себе и других людях в сознании лиц разного пола, ставших жертвами сексуального насилия, и тех, кто не сталкивался с изнасилованием. Всего было обследовано 139 подростков и 179 студентов разного пола, в т. ч.: по 15 мальчиков и девочек подросткового возраста, а также 11 студентов и 56 студенток, переживших сексуальное насилие.

В предлагаемой статье мы рассматриваем лишь отдельные аспекты развития образа физического «Я» (телесного образа) и его связей с другими компонентами представлений подростков о себе, о своих друзьях и врагах.

Результаты корреляционного анализа структур Я-образов показали, что у мальчиков подросткового возраста обнаружилась обратная связь между характеристиками социального интеллекта и телесной сферы, а у девочек телесные характеристики не связаны ни с одним компонентом Я-образа.

Весьма неоднозначны результаты корреляционного анализа структур компонентов Я-образов подростков, переживших сексуальное насилие, с тем, как они представляют своих друзей и недругов. Телесные характеристики мальчиков оказались тесно связаны с телесными характеристиками образов друга ($r < 0,01$), Такая же и даже более плотная связь выявилась

между этими компонентами Я-, Ты-образов у студентов, переживших в более раннем возрасте сексуальное насилие. Интересно, что телесные характеристики Я-образов этих студентов имеют достоверную отрицательную связь с интеллектуальными компонентами. На таком же уровне ($r < 0,05$) аналогичная отрицательная корреляция обнаружилась при анализе связи между интеллектуальными компонентами Я-образов и телесными компонентами образов недруга в сознании студентов, испытавших на себе сексуальное насилие. При этом телесные характеристики Я-образов мальчиков не связаны ни с одним компонентом структур их представлений о недругах, но в то же время телесные характеристики их представлений о недругах оказались достоверно связаны с социальными характеристиками собственных Я-образов.

Другая картина корреляционных связей выявилась у девочек. Телесные характеристики их Я-образов не связаны ни с одним другим компонентом, но при этом имеют достоверные связи ($r < 0,05$) с телесными характеристиками образа друга и такие же, но отрицательные связи, с эмоциональными компонентами образов своих недругов. Телесные характеристики Я-образов студенток, ставших жертвами насилия, имеют связи лишь с социальными (отрицательную, при $r < 0,05$) и телесными (положительную, при $r < 0,01$) характеристиками подруг.

Мы предполагаем, что в отмеченных различиях у мальчиков-жертв насилия проявляется компенсаторный механизм личностной защиты: переживания некоторой телесной уязвимости, которая с возрастом компенсируется акцентированностью на интеллектуальных характеристиках или, наоборот, при недостатке интеллекта предпочтение отдаётся телесным характеристикам. Но в аналогичном соотношении отражения интеллектуальных и телесных компонентов может проявляться и обратная модальность характеристик, т. е. при отсутствии переживания каких-либо проблем со своей внешностью ребёнка могут беспокоить плохая успеваемость, невнимательность и другие особенности когнитивной сферы.

По мнению специалистов в области возрастной психологии, именно в этом возрасте происходят важнейшие преобразова-

ния в организме. При этом внешний облик и физические данные вызывают озабоченность подростков, они стремятся соответствовать стандартам своей референтной группы. Так, для девочек особо важную роль играют телесные характеристики. «Я-концепция» девушек сильнее коррелирует с оценкой привлекательности своего тела, чем с оценкой его эффективности. У юношей, наоборот, ведущим критерием самооценки является эффективность тела. И эта зависимость во многом объясняется социально-ролевыми функциями мужчин и женщин.

Но у девушек озабоченность своим физическим обликом может быть вызвана не только особенностями возраста, но и самой ситуацией насилия, которое приводит к осознанию того, что их тело оказывается не только их достоянием, но начинает принадлежать другим. В результате может возникнуть ощущение диссоциации – расщепления собственного тела и сознания. Более того, тело может стать «орудием» в сексуальных контактах для удовлетворения некоторых потребностей самой девушки, например физиологических: в пище, в удовлетворении половой страсти; социальных: потребность быть значимой в группе сверстников, не быть «белой вороной» и т. д. [33].

Сравнение Я-образов подростков разного пола, перенёсших и не перенёсших сексуальное насилие, показало, что Я-образы девочек-подростков, подвергавшихся и не подвергавшихся насилию, достоверно отличаются по телесным компонентам характеристик, у мальчиков таких различий не обнаружено [22].

Наше исследование показало, что у всех опрошенных жертв сексуального насилия телесные характеристики «Я-образов» и образов друга обнаружили однозначно положительные корреляции. Эти данные могут свидетельствовать о сложностях формирования дифференцированного «Я-образа» жертв насилия, включающего в себя ощущение своей собственной уникальности, что способствует обеспече-

нию потребности в самоопределении и самореализации своего личностного потенциала [27].

В результате исследования достаточно чётко проявились гендерные, в данном случае – полоролевые – особенности Я-, Ты-образов жертв сексуального насилия. Оказалось, что в ходе построения собственных Я-образов ни девочки, ни мальчики фактически не соотносят эти образы с Я-образами своих сверстников. Но у девочек в процессе формирования образов друга и недруга проявляется однотипный механизм ориентации на мнение сверстников и сверстниц. Мальчики ориентируются на мнение сверстников лишь при отражении друзей, а при отражении недругов ориентируются только на самих себя.

Фактически, полученные результаты поднимают вопрос о феномене нарушения физических и эмоциональных границ у подростков-жертв сексуального насилия, в результате которого травматический опыт становится хроническим. «Вторжение» влечёт за собой нарушение отношений с собственным телом, что включает не только изменение позитивного отношения к нему, но и искажение телесной экспрессии. Образ телесного «Я» с травматическим опытом насилия характеризуется значительной проницаемостью личностных границ, которые могут восприниматься как хрупкие, неустойчивые и уязвимые в отношении любого вторжения извне. Главным же следствием всего вышесказанного является утрата доверия к другим и миру.

Полученные результаты расширяют сферу проведения дальнейших исследований по изучению полового самосознания подростков, а также для более тщательного исследования телесного образа виктимных подростков. Полученные результаты, по нашему мнению, могут задавать траекторию и для практической работы психологов, социальных работников, в рамках оказания психологической помощи и поддержки подросткам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Список литературы

1. Андроникова О. О. Основные характеристики подростков с самоповреждающим виктимным поведением // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2010. № 332. С. 149–154.
2. Асанова Н. К. Жестокое обращение с детьми: основные методологические вопросы, практические и правовые аспекты: Руководство по предупреждению насилия над детьми. М., 1997. 512 с.

3. Белобрыкина О. А., Иванько Ю. Ю. Психологический моббинг в образовательном учреждении: причины и следствие // Проблемы развития: наследственность и среда: материалы X Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) «Актуальные проблемы специальной психологии в образовании». Новосибирск: НГУЭУ «НИНХ», 2011. С. 87–96.
4. Белобрыкина М. А., Белобрыкина Е. А., Кошенова М. И. Представления подростков о проблеме насилия в семье // Другое образование: взаимодействие общества, семьи и образовательных организаций в эпоху перемен: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. 10–12 дек. 2013. М.: Крылья, 2013. С. 139–143.
5. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2001. С. 294–295.
6. Бондаренко Л. О. Ставлення студенток університетів до проституції // Ключові проєкти в сучасній науці – 2011: матеріали VII Междунар. науч.-практ. конф. 17–25 апр. 2011 г. Софія: Бял ГРАД-БГ ООД. С. 71–72.
7. Волкова Т. Г. Особенности образа Я личности, считающей себя испытавшей насилие: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Барнаул, 2004. 271 с.
8. Волкова Т. Г. Образ Я как структурный компонент самосознания виктимной личности // Изв. Алт. гос. ун-та. Вып. 2/1(78). Барнаул, 2013. С. 54–58.
9. Захарьева И. А. Психологические факторы виктимности несовершеннолетних жертв изнасилования: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.06. СПб., 2000. 235 с.
10. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2003. 544 с.
11. Карагачева М. В., Кедич, С. И. Ситников, В. Л. Социально-педагогическая рефлексия студентов психолого-педагогических специальностей // Ученые записки Забайкал. гос. гум.-пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 2012. № 5 (46). С. 264–271.
12. Коломинский Я. Л., Реан А. А. Социальная педагогическая психология. СПб.: Питер Ком, 1999. 416 с.
13. Проблемы секс-бизнеса в контексте общественного здравоохранения / сост. Ю. Саранков. Киев: СПИД Фонд Восток-Запад, 2009. 128 с.
14. Психология подростка. Полное руководство / под ред. А. А. Реана. СПб., 2003. 432 с.
15. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности / пер. с нем. М.: Мир, 1994. 320 с.
16. Руденский Е. В., Руденская Ю. Е. Виктимогенный механизм социализации развивающейся личности в педагогическом общении (препринт). Новосибирск: Сибирск. психосоц. ин-т, 2002. 85 с.
17. Ситников В. Л. Структура образа ребёнка в педагогическом сознании и методы её выявления // Проблемы воспитания учащейся молодёжи: материалы науч.-практ. конф. СПб.; Черкесск, 1995. С. 334–339.
18. Ситников В. Л. Образ ребёнка (в сознании детей и взрослых). СПб.: Химиздат, 2001. 288 с.
19. Ситников В. Л. Подросток глазами взрослых // Психология подростка. Полное руководство / под ред. А. А. Реана. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. С. 329–343.
20. Ситников В. Л. «Восприятие», «Понимание», «Представление» и «Образ» в познании индивидуальности человека // Психология индивидуальности: материалы II Всерос. конф., г. Москва, 12–14 нояб. 2008 г. / отв. ред. А. К. Болотова; Гос. ун-т – Высш. шк. экономики; Рос. гуманит. науч. фонд. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 412 с.
21. Ситников В. Л. Социально-перцептивные образы и Я-, Ты-концепция // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 2 / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Институт психологии РАН, 2012. 696 с.
22. Ситников В. Л., Стреленко А. А. Гендерные особенности Я-образов жертв сексуального насилия // Психология психических состояний: актуальные теоретические и прикладные проблемы: материалы II Всерос. науч. конф. Казань: Отечество, 2013. Ч. II. С. 212–217.
23. Ситников В. Л., Евдокимова Е. А., Бондаренко Л. А. Особенности образа проститутки у несовершеннолетних девушек // Учёные записки ЗабГУ. 2014. № 5 (58). С. 91–98.
24. Слотина Т. В., Чернова Г. Р. Эмоциональная отчуждённость как одна из причин агрессивных реакций в подростковом возрасте // Преступность несовершеннолетних: проблемы и пути решения: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. Я. Кикотя, А. А. Реана. М., 2003. С. 247–249.
25. Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М., 1989. 216 с.
26. Солодовников А. Г. Насилие в отношении детей // Развитие системы защиты детей от насилия: национальный и международный опыт: материалы междунар. конф. (21.04.2010–23.04.2010 г. Минск). Минск: Понимание, 2010. С. 8–13.
27. Стреленко А. А. Социально-перцептивные образы подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. СПб., 2004. 194 с.
28. Стреленко А. А. Значение знака в развитии образа виктимной личности // Мир психологии. 2008. № 2 (54). С. 147–155.

29. Стреленко А. А. Социально-перцептивные образы виктимной личности. Витебск, 2009. 138 с.
30. Стреленко А. А. Психологические проблемы детско-подростковой виктимности // Психолого-педагогические технологии в условиях инновационных процессов в медицине и образовании: материалы IV Междунар. междисципл. науч.-практ. конф. (Кемер, Турция, 29 апреля – 7 мая 2013 г.) / под науч. ред. М. Г. Чухровой. Новосибирск: Архивариус-Н, 2013. С. 186–190.
31. Тарабрина Н. В. Психология травматического стресса: Теория и практика. М.: Институт психологии РАН, 2009. 304 с.
32. Христенко В. Е. Психология поведения жертвы. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 416 с.
33. Черкашина А. Г. Особенности самоотношения к образу физического «Я» в зависимости от реальности телесного самовосприятия // Вестн. Самарск. гуманит. академии. Сер.: Психология. 2012. № 1 (11). С. 75–91.
34. Шнейдер Л. Б. Девиантное поведение детей и подростков. М.: Академический проект: Трикта, 2005. 336 с.
35. Юдашина Н. И., Блонский П. П. О сексуальном развитии ребёнка // Педагогика. 2001. № 8. С. 67–72.

Источник

36. Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения: отчет о деятельности. 2007 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sirostvo.ru/files/25/AnnualReport2007Rus.pdf> (дата обращения: 20.02.16).

References

1. Andronikova O. O. Osnovnye kharakteristiki podrostkov s samopovrezhdayushchim viktimnym povedeniem // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. 2010. № 332. S. 149–154.
2. Asanova N. K. Zhestokoe obrashchenie s det'mi: osnovnye metodologicheskie voprosy, prakticheskie i pravovye aspekty: Rukovodstvo po preduprezhdeniyu nasiliya nad det'mi. M., 1997. 512 s.
3. Belobrykina O. A., Ivan'ko Yu. Yu. Psikhologicheskii mobbing v obrazovatel'nom uchrezhdenii: prichiny i sledstvie // Problemy razvitiya: nasledstvennost' i sreda: materialy Kh Vseros. nauch.-prakt. konf. (s mezhdunar. uchastiem) «Aktual'nye problemy spetsial'noi psikhologii v obrazovanii». Novosibirsk: NGUEU «NINKh», 2011. S. 87–96.
4. Belobrykina M. A., Belobrykina E. A., Koshenova M. I. Predstavleniya podrostkov o probleme nasiliya v sem'e // Drugoe obrazovanie: vzaimodeistvie obshchestva, sem'i i obrazovatel'nykh organizatsii v epokhu peremen: materialy I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 10–12 dek. 2013. M.: Kryl'ya, 2013. S. 139–143.
5. Berkovits L. Agressiya: prichiny, posledstviya i kontrol'. SPb., 2001. S. 294–295.
6. Bondarenko L. O. Stavleniya studentok universitetiv do prostitutsii // Klyuchoviv" prosi v s"vremen-nata nauka – 2011: materialy VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 17–25 april 2011 g. Sofiya: Byal GRAd-BG OOd. S. 71–72.
7. Volkova T. G. Osobennosti obraza Ya lichnosti, schitayushchei sebya ispytavshei nasilie: dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.01. Barnaul, 2004. 271 s.
8. Volkova T. G. Obraz Ya kak strukturnyi komponent samosoznaniya viktimnoi lichnosti // Izv. Alt. gos. un-ta. Vyp. 2/1(78). Barnaul, 2013. S. 54–58.
9. Zakhar'eva I. A. Psikhologicheskie faktory viktimnosti nesovershennoletnikh zhertv iznasilovaniya: dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.06. SPb., 2000. 235 s.
10. Il'in E. P. Differentsial'naya psikhofiziologiya muzhchiny i zhenshchiny. SPb.: Piter, 2003. 544 s.
11. Karagacheva M. V., Kedich, S. I. Sitnikov, V. L. Sotsial'no-pedagogicheskaya refleksiya studentov psikhologo-pedagogicheskikh spetsial'nostei // Uchenye zapiski Zabaikal. gos. gum.-ped. un-ta im. N. G. Chernyshevskogo. 2012. № 5 (46). S. 264–271.
12. Kolominskii Ya. L., Rean A. A. Sotsial'naya pedagogicheskaya psikhologiya. SPb.: Piter Kom, 1999. 416 s.
13. Problemy seks-biznesa v kontekste obshchestvennogo zdravookhraneniya / sost. Yu. Sarankov. Kiev: SPId Fond Vostok-Zapad, 2009. 128 s.
14. Psikhologiya podrostka. Polnoe rukovodstvo / pod red. A.A. Reana. SPb., 2003. 432 s.
15. Remshmidt Kh. Podrostkovyi i yunosheskii vozrast: problemy stanovleniya lichnosti / per. s nem. M.: Mir, 1994. 320 s.
16. Rudenskii E. V., Rudenskaya Yu. E. Viktimogennyi mekhanizm sotsializatsii razvivayushcheisya lichnosti v pedagogicheskom obshchenii (preprint). Novosibirsk: Sibirsk. psikhosots. in-t, 2002. 85 s.
17. Sitnikov V. L. Struktura obraza rebenka v pedagogicheskom soznanii i metody ee vyyavleniya // Problemy vospitaniya uchashcheisya molodezhi: materialy nauch.-prakt. konf. SPb.; Cherkessk, 1995. S. 334–339.
18. Sitnikov V. L. Obraz rebenka (v soznanii detei i vzroslykh). SPb.: Khimizdat, 2001. 288 s.

19. Sitnikov V. L. Podrostok glazami vzroslykh // Psikhologiya podrostka. Polnoe rukovodstvo / pod red. A. A. Reana. SPb.: Praim-EVROZNAK, 2003. S. 329–343.
20. Sitnikov V. L. «Vospriyatie», «Ponimanie», «Predstavlenie» i «Obraz» v poznanii individual'nosti cheloveka // Psikhologiya individual'nosti: materialy II Vseros. konf., g. Moskva, 12-14 noyab. 2008 g. / otv. red. A. K. Bolotova; Gos. un-t – Vyssh. shk. ekonomiki; Ros. gumanit. nauch. fond. M.: GU VShE, 2008. 412 s.
21. Sitnikov V. L. Sotsial'no-pertseptivnye obrazy i Ya-, Ty-kontseptsiya // Razvitie psikhologii v sisteme kompleksnogo chelovekoznaniya. Ch. 2 / otv. red. A. L. Zhuravlev, V. A. Kol'tsova. M.: Institut psikhologii RAN, 2012. 696 s.
22. Sitnikov V. L., Strelenko A. A. Gendernye osobennosti Ya-obrazov zhertv seksual'nogo nasiliya // Psikhologiya psikhicheskikh sostoyanii: aktual'nye teoreticheskie i prikladnye problemy: materialy II Vseros. nauch. konf. Kazan': Otechestvo, 2013. Ch. II. S. 212–217.
23. Sitnikov V. L., Evdokimova E. A., Bondarenko L. A. Osobennosti obraza prostitutki u nesovershennoletnikh devushek // Uchenye zapiski ZabGU. 2014. № 5 (58). S. 91–98.
24. Slotina T. V., Chernova G. R. Emotsional'naya otchuzhdennost' kak odna iz prichin agressivnykh reaktivnykh v podrostkovom vozraste // Prestupnost' nesovershennoletnikh: problemy i puti resheniya: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod red. V. Ya. Kikotya, A. A. Reana. M., 2003. S. 247–249.
25. Sokolova E. T. Samosoznanie i samoosenka pri anomalnykh lichnosti. M., 1989. 216 s.
26. Solodovnikov A. G. Nasilie v otnoshenii detei // Razvitie sistemy zashchity detei ot nasiliya: natsional'nyi i mezhdunarodnyi opyt: materialy mezhdunar. konf. (21.04.2010–23.04.2010 gg. Minsk). Minsk: Ponimanie, 2010. S. 8–13.
27. Strelenko A. A. Sotsial'no-pertseptivnye obrazy podrostkov i vzroslykh, perezhivshikh seksual'noe nasilie: dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.13. SPb., 2004. 194 s.
28. Strelenko A. A. Znachenie znaka v razvitii obraza viktimnoi lichnosti // Mir psikhologii. 2008. № 2 (54). S. 147–155.
29. Strelenko A. A. Sotsial'no-pertseptivnye obrazy viktimnoi lichnosti. Vitebsk, 2009. 138 s.
30. Strelenko A. A. Psikhologicheskie problemy detsko-podrostkovoi viktimnosti // Psikhologo-pedagogicheskie tekhnologii v usloviyakh innovatsionnykh protsessov v meditsine i obrazovanii: materialy IV Mezhdunar. mezhdistsipl. nauch.-prakt. konf. (Kemer, Turtsiya, 29 aprelya – 7 maya 2013 g.) / pod nauch. red. M. G. Chukhrovoy. Novosibirsk: Arkhivarius-N, 2013. S. 186–190.
31. Tarabrina N. V. Psikhologiya travmaticheskogo stressa: Teoriya i praktika. M.: Institut psikhologii RAN, 2009. 304 s.
32. Khristenko V. E. Psikhologiya povedeniya zhertvy. Rostov n/D.: Feniks, 2004. 416 s.
33. Cherkashina A. G. Osobennosti samootnosheniya k obrazu fizicheskogo «Ya» v zavisimosti ot real'nosti telesnogo samovospriyatiya // Vestn. Samarsk. gumanit. akademii. Ser.: Psikhologiya. 2012. № 1(11). S. 75–91.
34. Shneider L. B. Deviantnoe povedenie detei i podrostkov. M.: Akademicheskii proekt: Triksa, 2005. 336 s.
35. Yudashina N. I., Blonskii P. P. O seksual'nom razvitii rebenka // Pedagogika. 2001. № 8. S. 67–72.

Istochnik

36. Natsional'nyi fond zashchity detei ot zhestokogo obrashcheniya: otchet o deyatelnosti. 2007 g. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.sirostvo.ru/files/25/AnnualReport2007Rus.pdf> (data obrashcheniya: 20.02.16).

Библиографическое описание статьи

- Ситников В. Л., Стреленко А. А. Образ тела в сознании виктимных подростков, переживших сексуальное насилие // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Педагогика. Психология. Т. 11, № 2. С. 118–129.

Reference to the article

- Sitnikov V. L., Strelenko A. A. A Body Image in Victimized Sexually Abused Teens' Conscience // Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series Pedagogy. Psychology. 2016. Vol. 11, No. 2. PP. 118–129.

Статья поступила в редакцию 11.03.2016